

А.Л. Репецкая

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В статье проанализировано состояние преступности, ее перспективные тенденции постсоветского времени, проблемы правоохранительной деятельности, связанные с субъектами ее осуществления, в том числе их депрофессионализацией, депрофилактизацией, деформацией правовой психологии. Сформулирован вывод о существенном изменении криминогенных детерминант, развитии новых видов преступности в тех сферах, социальный контроль в которых затруднен, а также вывод о том, что изменение структуры и характеристик населения при существующем уровне предупреждения преступности приведет в ближайшем будущем к значительному снижению уровня общественной безопасности и росту преступности.

Ключевые слова: преступность, предупреждение, общественная безопасность, правоохранительная деятельность, органы внутренних дел.

A.L. Repetskaya

**THE CURRENT STATE OF CRIME AND LAW ENFORCEMENT:
PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

The article analyzes the state of crime, its post-Soviet period promising trends, the problems of law enforcement related to the subjects of its implementation, including deprofessionalization, preventive deprivation, legal psychology deformation. It presents the conclusions on the significant criminogenic determinants change, the development of new types of crime in the areas where social control is difficult, and the conclusion that at the current crime prevention level the changes in the population structure and their characteristics will result in a significant social security reduction and a crime increase in the near future.

Keywords: crime prevention, public safety, law enforcement, law enforcement bodies.

Преступность является одним из немногих явлений в жизни общества, которые определяют уровень его безопасной жизнедеятельности. Не случайно общество и государство прилагают достаточно много усилий и тратят колоссальные ресурсные средства на противодействие развитию преступности. Это позволяет в необходимой мере сохранять приемлемый уровень общественной безопасности. Однако преступность, будучи системным, самовоспроизводящимся явлением, очень быстро приспособливается к применяемым формам социального контроля, снижает его эффективность и опережает его реализацию.

В этой связи средства, которые использовались для противодействия преступности еще 20–30 лет назад, сегодня должны быть другими либо в значительной мере совершенствоваться. Центральным субъектом предупреждения преступности является правоохранительная система, которая должна адекватно реагировать на изменения, происходящие в состоянии и структуре преступности. При этом необходимо учитывать следующие моменты.

Резкий переход от жесткого социального контроля при достаточно стабильных социальных гарантиях к демократии, трактуемой как вседозволенность (в силу некоторой особенности российской ментальности), диаметрально изменение ценностных ориентаций и значительное сокращение социальной помощи населению – не могло не повлечь качественного и количественного изменения преступности, уровня ее общественной опасности по сравнению с советским периодом. Следствием таких изменений явилась высочайшая доля тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности, превышающая 50 % в начале постсоветского периода, которая стала снижаться только в 2003 г. (2001 – 60 %; 2002 – 53 %; 2003 – 39,8 %) ¹. Криминализация промышленного комплекса, сопровождающаяся ростом доли экономических преступлений в общей структуре преступности; рост организованной преступности и ее профессионализация; криминализация политической элиты и политизация преступности; корыстная направленность мотивации большинства видов преступного поведения; вытеснение ситуативной преступности преднамеренными, тщательно продуманными преступлениями – вот наиболее яркие черты качественной характеристики преступности начала постсоветского периода.

Количественные показатели имели волнообразный рост регистрации преступлений с тенденцией к увеличению вплоть до 2006 г., пикового для всего динамического ряда рассматриваемого периода (3,8 млн преступлений). Преступников же выявлялось все меньше (точнее каждый второй, а по отдельным категориям дел, например экономическим преступлениям – 15–20 %, по должностным – не более 5 %). Соответственно раскрываемость преступлений постоянно снижалась, удельный вес раскрытых преступлений в 2006 г. стал самым низким за весь постсоветский период – 46,5 %.

Между тем противодействие преступности в это время в значительной мере осложнялось депрофессионализацией правоохранительных органов, которая выражалась не только в падении образовательного уровня и отсутствии опыта практической деятельности у сотрудников, но и значительными деформациями психологии профессиональной деятельности как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Особенно показательны такие деформации в сфере правосознания работников правоохранительных органов, которые формируются в период их профессиональной деятельности. Выделяется до семи типов различных деформаций, среди которых применительно к указанной категории можно выделить четыре основных

¹ Все приведенные в статье статистические данные о состоянии структуре преступности взяты с официального сайта ГИЦ МВД РФ.

типа: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой фетишизм и перерождение [1; 5]. Между тем можно выделить и такие как: *боязнь своих полномочий* (выражающаяся в том, что сотрудники избегают принимать решения, относящиеся к их компетенции, боятся совершить профессиональную ошибку и последующих за ней санкций); *правовой цинизм* (деструктивное отношение к людям, полное отрицание права, криминально-откровенное попираание человеческой правовой культуры и общепринятых правил, попираание прав и свобод граждан) [4]. Самым глубоким видом деформации профессионального сознания является *перерождение* – осознанное игнорирование и отрицание закона, когда желание бороться с преступностью пропадает, а поведение в основном связано с коррупцией и незаконным обогащением. Следует заметить, что в настоящее время эти деформации, начавшие формироваться в постсоветский период, не только не исчезли, но и основательно углубились.

Кроме того, наблюдалась значительная депрофилактизация в процессе противодействия преступности. Основное внимание государства в этот момент было направлено на решение других задач, в первую очередь политических и экономических. Оно не только само устранилось от процессов противодействия преступности, но и устранило большую часть субъектов этой деятельности: при посылке, что профилактикой должны заниматься все (но наряду со своими основными функциями), в действительности ей не занимался никто, особенно если речь шла о социальной профилактике правонарушений.

Значительное распространение коррупционных процессов окончательно подорвало доверительное отношение к правоохранительной системе со стороны гражданского общества. Так, согласно результатам исследования «Индекс доверия полиции», проведенного фондом «Общественный вердикт» в феврале 2015 г., 42 % россиян говорят о неспособности сотрудников полиции защитить их или их семью от преступных посягательств; 36 % недовольны работой полиции, а 12 % и вовсе ее боятся, при этом стойкую антипатию высказали еще 17 %².

Постоянный процесс реорганизации правоохранительной системы, создание новых структур и управлений с последующим их упразднением также не способствуют ее эффективной работе.

В современный период (2007–2014 гг.) наблюдалось последовательное снижение количественных показателей (с 3,5 млн преступлений в 2007 г. до 2,1 млн в 2014 г.). Рост уровня преступности наблюдался только в 2015 г. Доля тяжких и особо тяжких преступлений снизилась до 22 %, количество организованных преступлений сократилось в регистрации с 31 тыс. до 13,7 тыс. преступлений. Значит ли это, что состояние преступности действительно улучшается, а уровень общественной безопасности повышается?

² URL: http://publicverdict.org/topics/index_d/12041.html

Давно уже не является большим секретом, что основная доля реальной преступности является латентной, а в регистрации находится лишь незначительная часть из всех совершенных преступлений. Так, например, при среднем количестве в 2,5–3 млн преступлений, находящихся в регистрации каждый год, текущая латентность по разным методикам расчетов составляет 22 млн преступлений [2; 3; 7 и др.]. При этом нередко латентность преступности действительно является объективной как следствие недоверия населения правоохранительным органам, в первую очередь из-за их коррумпированности либо незаинтересованности в расследовании неочевидных преступлений, сложных для раскрытия.

В результате государство опирается на настолько искаженные данные, что не только не имеет представления о действительном состоянии преступности, но и, оценивая работу правоохранительных органов, видит лишь искусственно сформированную картину, не меняющуюся много лет. Так, например, в пиковый 2006 г. полиция рассмотрела 19,3 млн заявлений и сообщений о происшествиях, при этом решение о возбуждении уголовного дела было принято лишь по каждому шестому сообщению (возбуждено только 3,2 млн уголовных дел). В 2014 г. было рассмотрено уже 29,3 млн заявлений, однако уголовные дела были возбуждены лишь по каждому 17-му из них: было возбуждено 1,7 млн уголовных дел. Таким образом, создается впечатление, что преступность снизилась, тогда как фактически она увеличилась на порядок. Это подтверждают и данные 2015 г., согласно которым даже в регистрации уровень преступности увеличился на 8,6 % и составил 2,35 млн преступлений.

Между тем криминальная статистика является тем ориентиром, на который равняется вся правоприменительная практика и, как правило, колебания статистической картины преступности вызывают ее соответствующие изменения. Безусловно, что изменения и уголовной статистики, и правоприменительной практики иногда детерминированы политическими интересами, в том числе и местного уровня, но чаще валом преступлений, с которым правоохранительные органы просто не справляются, поэтому регистрируют их весьма избирательно. Однако понимая, что реальная картина преступности совершенно другая, чем представляется в статистических отчетах, они вынуждены, тем не менее, корректировать противодействие преступности, исходя не из ее реального состояния, а в соответствии с тем ориентиром, который выставляет уголовная статистика, самими же правоохранительными органами и сформированная.

Возникает замкнутый круг, который не позволяет не только эффективно противодействовать преступности, вовремя и рационально перераспределяя усилия правоохранительных органов и других субъектов, занимающихся такой деятельностью, но и иметь представление о реальной картине преступности, ее особенностях и характеристиках в том или ином регионе, а соответственно и в стране в целом.

Между тем криминологический анализ свидетельствует, что, несмотря на значительное снижение абсолютных показателей за последние 9 лет, начиная с 2007 г., уровень преступности 2015 г. (2,3 млн) даже в регистрации превышает уровень 1990 г. (1,8 млн) фактически на треть (28 %).

Кроме того, при сравнении относительных показателей распространенности преступности и ее интенсивности советского и постсоветского периодов следует констатировать, что в 1990 г. коэффициент интенсивности преступности равнялся 1243, а в 2015 г. – 1632 преступления, приходящихся на 100 тыс. человек, что значительно выше.

Коэффициент преступной активности, как и абсолютные показатели числа выявленных преступников, по-прежнему значительно отстает от аналогичных показателей зарегистрированных преступлений. Сегодня, как и раньше, выявляется меньше, чем каждый второй преступник, а по отдельным составам только третий, четвертый.

В целом можно констатировать волнообразный характер динамики состояния современной российской преступности с тенденцией поднятия очередной «волны» на качественно иной уровень. Это свидетельствует о том, что принимаемые меры противодействия не являются достаточными. Регистрация преступлений, а также практика отказа в возбуждении уголовных дел способствуют снижению показателей зарегистрированной, но не реальной преступности.

Кроме того, анализ социально-демографических процессов позволяет прогнозировать на ближайшее будущее рост как абсолютных, так и относительных показателей преступности. Это связано с тем, что Россия прошла пик «демографической ямы», как следствие резкого снижения рождаемости в начале и середине 90-х гг. Количество несовершеннолетних и молодых людей постепенно увеличивается в структуре населения. Население растет также и за счет мигрантов, переезжающих в Россию на постоянное или временное место жительства из сопредельных стран, беженцев из Украины, населения Крыма.

Как не пытается российское государство регулировать миграционные процессы, связанные с ними проблемы, в том числе и криминогенного характера, они будут только нарастать, поскольку российская экономика нуждается во внешних трудовых ресурсах. Стремление представителей бизнеса удешевить рабочую силу (опять же в силу особой российской ментальности) приводит к использованию противозаконных средств, соответственно, к развитию коррупции, криминальной эксплуатации и тому подобным процессам, которые в свою очередь неблагоприятно влияют на уровень общественной безопасности в целом.

Кроме того, реальностью становится перевод значительной части материальной жизни (документов, фотографий, переписки, денежных операций, покупок, развлечений, книг и т.д.) в цифровое, виртуальное пространство. Развитие цифровых и информационных технологий, компьютерных сетей, расширение Интернет-пространства увеличивает возможности для совершения как традиционных видов преступлений

(например, мошенничеств), так и позволяет появляться новым «киберпреступлениям». Представляется, что в ближайшем будущем именно эта часть преступности будет наиболее прогрессивно развиваться сама и детерминировать развитие других преступлений.

Правоохранительная же система пока настроена на реагирование на традиционные виды преступлений, противодействие киберпреступности находится в самом начале своего пути. Специальные отделы по борьбе с такими преступлениями являются немногочисленными и не могут охватить всей латентной части, в которой этот вид в основном и пребывает. По сути ни в законодательной сфере, ни в правоприменительной практике адекватной реакции на эту прогрессирующую угрозу всей общественной безопасности нет.

Сама правоохранительная система, несмотря на колоссальные усилия со стороны государства, не претерпела больших изменений с начала постсоветского периода. Фактически невозможно за достаточно короткий период реорганизации и реформирования любой системы вырастить кадры с другим уровнем профессиональной психологии, этики, образования. Органы внутренних дел, стоящие на передовом рубеже борьбы с преступностью, наиболее яркий тому пример. Более того, сравнительное исследование социально-демографических и нравственно-психологических характеристик личности сотрудников низовых звеньев этой системы и преступников показывают их поразительное сходство [6].

Не думаю, что как-то изменит ситуацию в современной правоохранительной деятельности и создание в апреле 2016 г. Национальной гвардии России³, одной из важнейших функций которой декларируется «участие совместно с органами внутренних дел РФ в охране общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, борьба с экстремизмом и терроризмом». Как представляется, это связано с несколькими ключевыми моментами. Во-первых, нацгвардия создана из уже существующих служб и подразделений, функции которых существенно не изменились, а, во-вторых, ее формирование происходит из кадровых ресурсов уже существующих правоохранительных органов, в основном органов внутренних дел, сотрудники которых вряд ли изменят свой менталитет на новом месте службы. Более того, объединение военных служб (внутренние войска) с гражданскими (органы внутренних дел) может создать внутренние конфликты с учетом существующей разницы в организации тех и других служб. Таким образом, уверенно сказать, что новая структура изменит положение дел в сфере противодействия преступности нельзя.

Что касается современного состояния системы предупреждения преступности, то в практической реализации предупредительной деятельности пока не заметно каких-либо кардинальных изменений. Изменить ситуацию должен вступивший в силу 22 сентября 2016 г. Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики

³ См.: Указ Президента № 157 от 5.04.2016.

правонарушений в РФ», который предназначен для законодательного регулирования этих процессов. Закон предусматривает не только выявление причин и условий правонарушений и преступлений, но и непосредственную работу с потенциальными правонарушителями, реабилитацию наркоманов и алкоголиков, ресоциализацию лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, а также оказание помощи как реальным, так и потенциальным потерпевшим.

Стоит ли надеяться, что для осуществления правового регулирования процесса предупреждения преступности найдется необходимая ресурсная база, поскольку сам этот процесс продолжает оставаться самым насущным в свете всеобщей гуманизации уголовной политики и второстепенным с точки зрения правоприменения. Представляется, что в условиях глубокого экономического кризиса ждать эффективного предупреждения преступности не приходится, поскольку глобальные факторы, детерминирующие существование и развитие преступности (экономические, политические и пр.), не только не блокируются, а продолжают углубляться и множиться. Противоречия общественного развития не являются объектом воздействия субъектов правоохранительной деятельности и как бы хорошо она ни осуществлялась – предупредить развитие преступности в этих условиях правоохранительные органы не могут. По большому счету их задача на сегодняшний день – пресечение преступлений, а не их предупреждение.

Между тем анализ основных тенденций современной преступности и опыта борьбы с ней свидетельствует, что преступность продолжает активно развиваться, несмотря на снижение большинства регистрационных показателей, причем делает это в сферах сложных для осуществления социального контроля. Меняется структура населения и его характеристики, а правоохранительная система продолжает оставаться на прежнем уровне развития.

Более того, сегодня мы наблюдаем усилия, направленные на сокращение органов внутренних дел, особенно той их части, которая связана с обеспечением безопасности в общественных местах, патрульно-постовых служб. Если раньше по вызову выезжали 3–4 полицейских, то теперь только двое. Показательным результатом таких изменений являются события, произошедшие в мае 2016 г. на Хованском кладбище в г. Москве, где против более чем сотни вооруженных людей первоначально был выставлен патруль из двух полицейских и лишь позже конфликт ликвидировали более 300 сотрудников полиции⁴.

Таким образом, стоит констатировать, что предупреждение преступности пока не является приоритетным направлением в деятельности субъектов, осуществляющих противодействие ей. В этой ситуации говорить о благоприятных прогнозах в развитии анализируемых явлений не приходится. Если не изменить уголовную политику в части ее криминологической составляющей, уровень общественной безопасности в России будет снижаться, а преступность расти.

⁴ URL: http://www.topnews.ru/news_id_89012.html

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Канина И.А., Панченко А.М. Социально-психологические факторы, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников органов безопасности // Вестник ГУУ. 2014. № 17. С. 321–324.
2. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008.
3. Латентность преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2007.
4. Левентюк Л.В. Правовой нигилизм и правовой цинизм: понятия, сходство и различия // Общество и право [Научно-практический журнал]. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2008. № 3 (21). С. 46–48.
5. Ожегова Г.А. О деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 2. С. 82–90.
6. Панченко П.Н. Государственная власть и ее роль в борьбе с преступностью // Криминологический журнал БГУЭП. 2009. № 1. С. 7.
7. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.